

не разграбили, а «заставили выдавать соль по шести су». Наконец, 9 сентября движение, не прекращавшееся с 19 августа, достигло своей высшей точки. Толпа захватила мэра Гюэза, которого обвиняли в защите скупщиков, и убила его. Его дом был разгромлен; пострадали также дома одного нотариуса, бывшего коменданта Сен-Жоржа, за две недели до того отдавшего приказ стрелять в народ, и лейтенанта жандармов, приказавшего в одном из предшествовавших бунтов повесить одного бунтовщика; народ грозил, как в Париже после 14 июля, разгромить еще много других домов. После этого в течение приблизительно двух недель среди высшей буржуазии царила паника, что, впрочем, ей не помешало организовать тем временем свою национальную гвардию: так что 26 сентября в конце концов буржуазия взяла верх над безоружным народом.

Вообще говоря, народный гнев направлялся, по-видимому, столько же против представителей буржуазии, спекулировавших на предметах первой необходимости: хлебе, мясе и т. п., - сколько и против помещиков, захвативших землю. В Амьене, например, народ чуть не убил трех хлебных торговцев, после чего буржуазия поспешила вооружить свою милицию. Можно даже сказать, что повсеместной организации милиции в городах в течение августа и сентября, вероятно, не было бы, если бы народное восстание происходило только в деревнях и направлено было только против помещиков. Но когда народ стал угрожать имуществам городской буржуазии, она, не дожидаясь решений Собрания, организовала по образцу парижских трехсот свои городские управления, в которые ей пришлось, впрочем, принять также и представителей от восставшего бедного народа.

Почти то же самое происходило 21 июля в Шербурге, 24-го - в Руане, а затем во многих других, менее крупных городах. Народ восставал с криками: *«Хлеба! Смерть скупщикам! Долой заставы!»* (что означало свободный ввоз съестных припасов из деревень). Он заставлял городские управы понизить цену на хлеб или завладевал складами скупщиков и увозил хлеб. Дома тех, кто спекулировал на съестных припасах, народ громил. Тогда буржуазия пользовалась народным движением, чтобы свергнуть старое городское управление, проникнутое феодальным духом, и назначить новый муниципалитет, *избранный народом на демократических началах*. Вместе с тем, пользуясь паникой, вызванной восстанием «черни» в городах и «разбойников» в деревнях, буржуазия вооружалась и организовывала свою муниципальную гвардию. Затем она приступала к «восстановлению порядка»; иногда казнила народных вожakov, а в некоторых местах брала на себя и восстановление порядка в деревнях, давая сражения крестьянам и вешая предполагаемых «зачинщиков».

После ночи 4 августа городские восстания стали еще многочисленнее. Они вспыхивали повсюду. Ни податей, ни внутренних таможенных пошлин, ни всяких поборов натурой, ни соляного налога никто больше не платил. «Сборщики подушных не знают, что делать, - писал Неккер в своем докладе от 7 августа. - Пришлось уменьшить наполовину цену на соль в двух восставших военных округах; поборов (aides) нельзя больше собирать» и т. д. «Множество мест, - писал он, - взбунтовалось против казны. Народ не хочет больше платить косвенных налогов». Что же касается до прямых, то народ не отказывается их платить, но только на известных условиях. В Эльзасе, например, «народ по большей части отказывается платить что бы то ни было, пока неподатные сословия (дворянство, духовенство) и привилегированные лица не будут также внесены в списки плательщиков».

Вот каким образом французский народ *задолго до Собрания* совершал революцию *на местах*, создавая революционным путем новое городское управление, устанавливая новый суд, проводя границу между различными налогами, теми, которые он соглашался платить, и теми, в которых он отказывался, и указывая, как следует равномерно распределять те налоги, которые народ намеревался платить государству или общине.

Только изучая эти приемы народного воздействия, вместо того чтобы упорно заниматься одной законодательной деятельностью Собрания, можем мы уловить дух Великой революции, т. е. в сущности дух всех революций, прошлых и будущих.

XVI КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Мы видели, что уже начиная с зимы 1788 г. и особенно с марта 1789 народ переставал платить повинности помещикам. Что в этом его поощряли буржуазные революционеры, в этом нет сомнения: среди буржуазии 1789 г. было немало людей, понимавших, что без народного восстания им никогда не одолеть королевской неограниченной власти. Что прения в собрании нотаблей, во время которых говорилось об отмене феодальных прав, способствовали волнениям и что составление приходских